

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 4

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Гатин М.С., Абзалов Л.Ф., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа)	7
Горячев А.А. Захоронения кремированных останков в керамических урнах по материалам могильников эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан)	26
Марсадолов Л.С. О каменных изваяниях из Тувы (по материалам экспедиций Александра Даниловича Грача)	50
Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Томилин М.А., Папин Д.В. Предварительные результаты палеогенетических исследований Бобровского грунтового могильника (леосостепной Алтай)	70
Ходжаева Н.Дж. К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина	93
Шнайдер С.В., Холматов Н.У., Рахимжанова С.Ж., Федорченко А.Ю., Рендю У, Марковский Г.И. Неолитические материалы со стоянки Тепакуль-4 (Зеравшанский хребет, Узбекистан)	114

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Китинов Б.У. Туглук Тимур и особенности политico-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.)	137
Баимов А.Г., Тузбеков А.И. Эзотерики в археологическом пространстве Республики Башкортостан: нетнографическое исследование	165
Петров И.Г. Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно- поминальной обрядности чувашей	187
Садалова Т.М. О характеристиках богатырского лука в эпических сказаниях.....	205

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ворошин С.Д. Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики	220
Дашковский П.К., Ильин В.Н. Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи	240
Чуркин М.К., Маткаrimова С.М., Абдуллаева Н.Б. Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект	259

ДЛЯ АВТОРОВ	280
-------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 4

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Gatin M.S., Abzalov L.F., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu.</i> Evolution of the legal status of ra»is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis).....	7
<i>Goryachev A.A.</i> Cremated remains in ceramic urns from Bronze Age burials in South-Western Semirechye	26
<i>Marsadolov L.S.</i> On stone sculptures from Tuva (based on the materials of the expeditions of Aleksandr Danilovich Grach).....	50
<i>Khojaeva N.J.</i> On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin	70
<i>Shnaider S.V., Kholmatov N.U., Rakhimzhanova S.Z., Fedorchenko A.Y., Rendu W., Markovskii G.I.</i> The Neolithic complex of the Tepakul-4 site (Zeravshan range, Uzbekistan)	93
<i>Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Tomilin M.A., Papin D.V.</i> Preliminary results of paleogenetic studies of the Bobrovsky ground burial (forest-steppe Altai)	114

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Kitinov B.U.</i> Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century)	137
<i>Baimov A.G., Tuzbekov A.I.</i> Esoterica in the archaeological space of the Republic of Bashkortostan: netnographic research	165
<i>Petrov I.G.</i> Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites.....	187
<i>Sadalova T.M.</i> On the characteristics of the Heroic Bow in Epic Tales	205

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Voroshin S.D.</i> The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy	220
<i>Dashkovskiy P.K., Ilyin V.N.</i> Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19 th — beginning of the 20 th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire	240
<i>Churkin M.K., Matkarimova S.M., Abdullaeva N.B.</i> Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19 th — early 20 th centuries: ethno-confessional aspect	259
FOR AUTHORS	280

УДК 393.05

DOI 10.14258/nreur(2025)4-09

И. Г. Петров

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа (Россия)

ПИЩА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ЗАПРЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ

В исследовании, основанном на литературных, архивных, фольклорных источниках, а также полевых материалах автора, рассматриваются пищевые запреты и ограничения, которые были частью обычаем и обрядов похоронно-поминального цикла чувашей, проживающих в Волго-Уральском регионе. Эти запреты и ограничения были обусловлены страхом человека перед смертью и умершим, желанием задобрить покойника и обеспечить его благополучный переход в загробный мир. Соблюдение этих правил не только гарантировало безопасность и благополучие людей, но и обеспечивало покровительство умершего как представителя мира предков. Пищевые табу регламентировали бытовое и ритуальное поведение человека, накладывали определенные ограничения на состав еды и напитков, технологию приготовления, особенности трапезы, количество блюд и участников обряда, а также на время и место проведения обрядовых действий. Эти запреты присутствовали на всех этапах обряда (предпохоронном, похоронном, послепохоронном) и составляли один из компонентов соционормативной культуры этноса. Несмотря на то, что большинство запретов были основаны на суевериях, они продолжают соблюдаться и в настоящее время. Это свидетельствует о древности их происхождения и устойчивости во времени и пространстве.

Ключевые слова: чуваши, Урало-Поволжье, похороны и поминки, пища, трапеза, запреты, ограничения, приметы, поверья

Для цитирования:

Петров И. Г. Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно-поминальной обрядности чувашей // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 187–204.

DOI 10.14258/nreur(2025)4-09

Петров Игорь Георгиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа (Россия). Адрес для контактов: ipetrov62@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>

I. G. Petrov

R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies UFRC RAS, Ufa (Russia)

FOOD AND RELATED PROHIBITIONS AND RESTRICTIONS IN CHUVASH FUNERAL AND MEMORIAL RITES

The study, based on literary, archival and folklore sources, as well as the author's field materials, examines food prohibitions and restrictions that were part of the customs and rituals of the funeral and memorial cycle of the Chuvash people living in the Volga-Ural region. These prohibitions and restrictions were conditioned by the human fear of death and the dead, the desire to placate the deceased and ensure his safe passage to the afterlife. Observance of these rules not only guaranteed the safety and well-being of people, but also ensured the patronage of the deceased as a representative of the world of ancestors. Food taboos regulated human domestic and ritual behaviour, imposed certain restrictions on the composition of food and drinks, the technology of preparation, the peculiarities of the meal, the number of dishes and participants in the ritual, as well as on the time and place of ritual actions. These prohibitions were present at all stages of the rite (pre-funeral, funeral, post-funeral) and constituted one of the components of the ethnos' socio-normative culture. Despite the fact that most of the prohibitions were based on superstition, they are still observed today. This testifies to the antiquity of their origin and their stability in time and space.

Keywords: Chuvashs, Ural-Volga region, funerals and wakes, food, repast, prohibitions, restrictions, omens, beliefs.

For citation:

Petrov I. G. Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 187–204 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4-09

Petrov Igor Georgievich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Ethnography Department, R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Researches of Ufa Federal Research Center of RAS, Ufa (Russia). **Contact address:** ipetrov62@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>

Введение

Одним из мало исследованных компонентов соционормативной культуры традиционных обществ являются запреты (табу). Они охватывали практически все стороны жизни человека и регламентировали повседневную жизнь, хозяйственное занятие, промыслы, ремесла, пищу, обычаи и обряды, религию и религиозные верования, этикет, язык, культуру речи и т.д. Целью соблюдения запретов являлось «предотвращение угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний» [Виноградова, Толстая, 1999: 270].

Большое место запреты занимают в ритуалах. Присутствуя в них в виде системы определенных правил, регламентирующих бытовое и обрядовое поведение индивидуума и коллектива, они помогали установить определенный порядок и гармонию с окружающим миром — с природой, общиной, семьей, и в том числе с миром предков.

Особое значение им придавалось в похоронных и поминальных обычаях и обрядах. Их неукоснительное соблюдение было полностью подчинено общей логике обряда и обусловлено страхом членов социума перед умершим и смертью, желанием задобрить покойника и заручиться его покровительством, а также стремлением обеспечить его благополучный переход в потусторонний мир.

В чувашской этнографии пищевые запреты и ограничения в похоронных обычаях и обрядах пока не стали объектом специального исследования. В контексте изучения различных аспектов традиционной культуры они частично затронуты в монографиях А. К. Салмина, Е. В. Сергеевой, И. Г. Петрова, Е. А. Ягафовой, И. Г. Петрова [Салмин, 2007; Сергеева, 2015; Петров, 2028; Ягафова, Петров, 2023], а также в статьях И. Г. Петрова, Е. В. Сергеевой, И. Г. Петрова и Е. А. Ягафовой [Петров, 2021; Сергеева, 2021; Петров, Ягафова, 2023] и др. Такие же разрозненные и поверхностные сведения по этой теме присутствуют в литературе второй половины XIX — начала XX в.

Цель настоящей статьи — на примере чувашей Урало-Поволжского региона рассмотреть наиболее характерные пищевые запреты и ограничения, которые регламентировали и упорядочивали поведение человека и социума в целом во время похорон и поминок, и произвести их анализ в контексте ритуала. На чувашском материале такое исследование на основе обобщения ранее опубликованных и неопубликованных источников производится впервые. Это подчеркивает не только его актуальность, но и научную новизну.

Источниками исследования являются сведения, почерпнутые из историко-этнографической литературы по теме, архивные документы, фольклорные тексты, а также полевые материалы автора.

Хронологически исследование охватывают период со второй половины XIX до начала XX в. В связи с тем, что некоторые из запретов актуальны и сегодня, в работе также приводятся примеры их современного бытования, извлеченных из полевых материалов автора.

Исследование проведено с использованием общепринятых научных методов — анализа, синтеза, систематизации, а также методов исторических исследований — историзма, объективности, системности, конкретности.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней воссоздана традиционная система пищевых запретов и ограничений чувашей Урало-Поволжья, связанная с похоронами и поминками.

Материалы и обсуждение

Похоронно-поминальная обрядность представляет собой сложный комплекс, в котором присутствуют разные компоненты — элементы материальной культуры, ритуальные действия, фольклорные тексты и т. д. Одним из важных элементов материально-вещной среды ритуала является обрядовая и поминальная пища, посредством которой члены общества пытались восстановить социальное равновесие, нарушенное

смертью одного из своих членов. Поэтому неудивительно, что во время похорон и поминок обрядовая еда обременялась множеством запретов и ограничений. Эти запреты присутствовали на всех этапах обряда (предпохоронном, похоронном, послепохоронном) и составляли один из компонентов соционормативной культуры этноса.

Пищевые ограничения и запреты обретали свою значимость уже с момента наступления смерти человека. Дом, в котором умер человек, у чувашей считался нечистым. Поэтому в нем готовить еду и употреблять пищу запрещалось. По верованиям чувашей, после того, как Дух смерти Эсрел (от арабского Азраил, «ангел смерти») [Чувашская мифология, 2018: 426] незримо приходил к умирающему и рассекал косой или ножом его суставы, всё домашнее пространство вокруг пачкалось кровью покойника [Прокопьев, 1903: 7–8]. По этой причине, как только покойник испускал дух, за пределы жилища — на улицу или во двор выносили бытовые вещи, которые имели контакт с умершим. Прежде всего это касалось перины и постели, а также нательной одежды. Их выносили во двор и на открытом воздухе в целях очищения держали несколько дней.

В некоторых селениях вместе с постельными принадлежностями и одеждой на улицу выносили бытовую утварь, кухонную посуду, а также питьевую воду. Аналогичных взглядов придерживались марийцы. По их поверьям, после кончины человека Ангел смерти Азырен в воде вымывал свой нож и по этой причине она становилась непригодной к употреблению [Абукаева, 2018: 92]. Если предметы домашнего обихода для очищения от невидимой крови усопшего держали на улице, а потом заносили обратно, то воду выливали. Руководствуясь этим табу, в Свияжском уезде Казанской губернии в домах с покойником не варили еду, а его обитатели до похорон питались у своих родственников или соседей [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 105–106]. В среднем это продолжалось до трех дней. В других селениях аналогичный запрет соблюдали до укладывания умершего в гроб [Магницкий, 1881: 160].

В указанном ограничении определенно просматривается влияние на чувашей распространенного среди мусульманского населения представления о ритуальной нечистоте дома и напрямую связанного с ним трехдневного пищевого табу. К примеру, такого запрета до сих пор придерживаются татары Западной Сибири, татары и башкиры Урало-Поволжья, в частности казанские, касимовские, чепецкие татары, башкиры на юге Башкирии, а также народы Казахстана и Средней Азии — казахи, узбеки, киргизы, туркмены, таджики и др. [Тихомирова, 2009: 93–94; Касимова, 2003: 158]. Среди чувашей такие представления, вероятно, укоренились благодаря контактам с татарами и влияния на них исламской веры. В то же время вполне допустимо предположить, что некоторая часть чувашей могла сохранить эти поверья и представления с более ранних времен, когда их предки были последователями мусульманской религии, например, в эпохи Золотой Орды и Казанского ханства. Видный венгерский этнограф Дьюла Месарош, опубликовавший в начале XX в. обстоятельный труд о старой чувашской вере, не случайно сделал вывод о том, что когда-то большая часть чувашского народа была мусульманами, но потом, в силу различных обстоятельств, их связь с мусульманским миром прекратилась, в результате чего «в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством» [Месарош, 2000: 20].

Другим устойчивым верованием чувашей является вера в то, что с момента смерти покойник нуждается в постоянной опеке со стороны живых родственников. Это касалось также его питания. Чуваши верили, что в загробной жизни покойник, как и они, нуждается в пище и питье. Поэтому, как только человек умирал, на стол ставили стакан с водой, кусок хлеба, а также одну или три свечи, вставленные в тарелку с зерном. Потом эту воду и хлеб ежедневно обновляли в течение 40 дней [ЧНТ, 2009: 55].

На это же были направлены коллективные поминальные трапезы. Как и у других народов, они осмысливались как совместные застолья живых и мертвых, а также как один из способов коммуникации с потусторонним миром. Поминальные застолья устраивались как в день похорон, так и в дни поминок. Если первое коллективное угощение в честь усопшего у некрещеных и крещеных чувашей в основном проводилось в день похорон, то последующие трапезы у каждой конфессиональной общности устраивались в разное время и с разной периодичностью. Это касалось как частных поминок по конкретно умершему человеку, так и общих, когда поминали всех умерших независимо от даты их смерти [Ягафова, Петров, 2023: 156–204, 205–227].

Постольку поскольку умерший с момента смерти считался представителем сакрального пространства, соприкосновение остальных людей с ним было возможно только при условии соблюдения различного рода правил, ограничений и запретов. Такие прескрипции накладывались также на пищу, в том числе поминальную пищу и трапезу. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим некоторые особенности поминальной пищи и поминальных трапез у чувашей. Для этого остановимся на таких вопросах, как состав еды и напитков на поминальном столе, перечень запрещенных продуктов и блюд, запреты и ограничения, касающиеся их приготовления, а также особенности поминального застолья.

Состав еды и напитков на поминальном столе

В празднично-обрядовой кухне чувашей, как и в повседневной, преобладала пища растительного и животного происхождения. Разница между ними состояла лишь в том, что для праздников и обрядов готовились более разнообразная еда и напитки. Это касалось как количества блюд, так и их ассортимента. Объяснялось это стремлением, чтобы покойник насытился всеми выставленными угощениями и остался всем доволен.

После кончины человека начинались поминки, сопровождаемые подношением пищи, и для этих случаев готовились специальные поминальные блюда. Одним из таких блюд была тюря из ржаной или полбяной муки — чун пайтти (каша души) или арпах-сартах пайтти [Прокопьев, 1903: 15]. Она готовилась путем смешивания небольшого количества воды и муки, что придавало ей жидкую консистенцию, похожую на кисель.

Первый раз покойника поминали до обмывания. В дом заносили несколько щепок, оставшихся от гроба, и клали их на пол. Затем каждый из присутствующих с помощью луцины брал из чашки приготовленную тюрю и бросал ее на щепки со словами: «Умайта пултар» (Пусть будет пред тобою). После этого остатки тюри вместе с щепками выбрасывали во двор.

Второй раз покойника поминали после укладывания в гроб. В этот раз из пресного теста, замешанного на сметане, готовили тоненькие лепешки хаймалу. Их пекли на сковороде.

вороде с маслом, используя щепки от гроба. Когда все было готово, у изголовья покойника ставили изготовленные из липы чиляк *чёрес* и чашку. В чиляк с тем же пожеланием «Умайта пултár» родственники поочередно отливали немногого воды, а в чашу крошили кусочки лепешки *хаймалу*. Затем содержимое сосудов также выносили на улицу и выбрасывали. В дальнейшем чиляк и чашка использовались только для поминовений покойника, применять их для других целей было запрещено. После больших поминок *юпа* их разбивали и выкидывали в поле [Прокопьев, 1903: 16], так как они считались атрибутами покойника и предметами, представляющими опасность.

Третий раз покойника поминали на кладбище после погребения. После водружения надгробного памятника на могиле зажигали свечу, а на могильный холм отрывали кусочки *хаймалу* [Прокопьев, 1903: 20]. Следует отметить, что *хаймалу* всегда пекли в нечетном (*ытä*) количестве — 3, 5, 7, 9, 11 штук и т. д. Приготовление лепешек в четном (*тёкл*) количестве запрещалось, потому что нарушение этого табу могло спровоцировать еще одну смерть в течение года [Прокопьев, 1903: 16].

Состав еды и напитков на поминальном столе был разнообразным. Одним из главных кушаний на нем был хлеб *çäkär*. В основном его выпекали из ржаной муки, воды, соли с добавлением закваски или без нее. На праздники, в том числе и на поминки, хлеб пекли из пшеничной муки, в результате чего получался белый хлеб или калач — *кулач*, *хäпарту*.

Другим обязательным блюдом были блины — *икерчё* (диал. *куймак*, *кульмак*, *пёлём*). В некоторых селениях вместо блинов готовили обрядовые лепешки — *хаймалу*, *күптэрме*, *çүхү*. Для разнообразия мучных блюд, кроме этого, готовили различные лепешки без начинки *пашалу*, *капартма*, *хäпарту*. Для их приготовления использовали полбennую, гороховую, чечевичную муку [Сергеева, 2015: 48–49].

В некоторых чувашских селениях Самарского Заволжья и Закамья также пекли закрытые пироги или курники *хуплу*. Для этого использовали мелко нарубленное мясо, животный жир, а также полусваренную кашу из проса или пшеничной крупы. Иногда вместо каши применяли мелко накрошенный картофель. Как и некоторые другие обрядовые блюда, *хуплу* пекли от трех до девяти штук, т. е. нечетное количество [Ягафова, Петров, 2023: 171]. Однако бывали и исключения. Так, в некоторых ареалах проживания чувашей пироги и *хуплу* не готовили совсем, так как они полностью закрывались тестом [Сергеева, 2021: 257] и их ставили в горячую печь.

Кроме мучных блюд на поминальный стол подавали горячие блюда и напитки. Горячие блюда обязательно варили из мяса домашних птиц и животных, которых жертвовали в честь покойного. Это могла быть курица или какое-либо животное — овца, баран, теленок, телка, корова, лошадь. Потом из мяса птицы или животного готовили суп на курином бульоне с лапшой *салма яшки*, *чах яшки* или суп из говядины — *какай яшки* / *какай шүрпи* / *аиш яшки* / *аиш шүрпи*. Кроме этого, из мяса животного готовили два вида ритуального супа — *кукар яшки*, *кукар шүрпи* (суп, бульон из паленых ног и головы животного) и *сүрме* / *çүрме* (суп из потрохов). Эти блюда чаще всего готовили на большие поминки *юпа*, а на частных поминках обходились супом из курятины. Перед приготовлением *кукар яшки* голову и ноги животного опаливали на открытом огне и после тщательной очистки варили в отдельном котле. Иногда в бульон добавляли

ляли крупу или картофель. После приготовления сваренные голову и ноги животного родственники умершего брали с собой на кладбище и совершили обряд приглашения покойника на поминки. Около надгробия они зажигали свечу или разводили небольшой костер, на могиле раскладывали принесенные с собой яства и совершили небольшую тrizну. Напоследок покойника и всех умерших родственников звали на поминки и возвращались обратно.

Сүрме / չўрме варили на воде или мясном бульоне с добавлением мелко нарезанных кусочков легких, печени, сердца, желудка и кишок животного. Лапшу и крупу в кушанье не добавляли [Афанасьева, 2002: 44–45]. Есть основания считать, что в прошлом *кукар яшки* и *сүрме* использовались на определённых этапах поминальной трапезы. Например, в селениях чувашей-язычников Закамья, проживающих в Республике Татарстан, первое блюдо подавали перед тем, как родственники умершего отправлялись на кладбище, чтобы установить надмогильный столб *юпа*, а второе — после того, как они возвращались с кладбища [Ягафова, Петров, 2023: 217–218].

Завершающим блюдом поминального стола была каша *пайтә*. Чаще всего его варили из проса, полбы, пшеничной крупы, гречки, гороха. Кашу готовили на мясном бульоне, а иногда на бульоне, в котором варились голова и ноги животного. В традиционной кухне чувашей Южного Приуралья эта каша так и называется — *пүс пайтти* (каша головы) или *кукар пайтти* (каша голья) [Афанасьева, 2002: 45]. Позднее в традицию культуры питания чувашей вошли рис, пшено, овсянка, перловка и другие крупы. В некоторых случаях хозяйки варили кашу с добавлением нескольких видов круп. Подача на стол каши соблюдается и в настоящее время. Однако это блюдо в чистом виде не подают, а подают вместе с мясом, рыбой, овощами и т.д.

Традиционными напитками поминальной трапезы испокон веков были домашнее пиво из хмеля и солода *сара*, самогонка *самакун / ханша / анишарли / кумайшка*, покупная водка *эрех*. Люди, держащие пчел, с использованием меда, воды, солода или закваски готовили медовую бражку *кайчама* или выдержаный на хмелевых дрожжах крепкий медовый напиток *симпыл*. Квас, чай, компот, кисель и различные соки получили распространение сравнительно поздно, лишь начиная с 60–70-х гг. XX в.

Таким образом, основными блюдами на поминальном столе у чувашей были хлеб *չակար*, блины *икерчә*, лепешки *хаймалу*, *күттәрме*, *չүхү*, суп-лапша из курятины *салма яшки / чах яшки*, суп из говядины — *какай яшки / какай шүрти / аш яшки / аш шүрти*, суп из потрохов *сүрме*, суп из голья *кукар яшки*, каша *пайтә*. Из напитков — пиво и домашняя водка.

Запрещенные продукты, блюда и напитки

На поминальном столе чувашей можно было увидеть практически все кушанья и напитки, которые использовались в быту и в празднично-обрядовых ситуациях. Однако были и исключения: некоторые продукты, блюда и напитки на поминальный стол не ставились ни в коем случае.

К примеру, для приготовления поминальных кушаний запрещалось использовать свинину. Потому что свинья считалась не только «нечистым», но и плотоядным животным. По народным представлениям, плотоядные животные, которые приносят смерть другому существу, представляли такую же опасность и для покойника. Возмож-

но, что этот запрет являетсяrudиментомпрежней мусульманскойверычувашей, а также результатоммноговекового влияния на них исламизированногонаселения(прежде всего татар) и мусульманской веры в целом.

Кроме свинины чуваши также избегали готовить еду из козьего мяса. Коза считалась «проклятым» или дьявольским животным, и её мясо ели только в повседневной жизни, но не использовали для ритуальных целей.

Также под запретом были блюда из рыбы. В народе бытовало поверье, что после поедания рыбы родными и близкими покойного последний на «том свете» будет плавать в воде также, как рыба [Сергеева, 2021: 257].

Практически никогда не готовили блюда с молоком и молочными продуктами, такие как молочный суп, кислое молоко, сметана, творог, масло. На похоронно-поминальных трапезах молоко никогда не использовалось также в качестве напитка.

Как отмечалось выше, в некоторых ареалах проживания чувашей к запрещенным блюдам относились закрытые пироги [Сергеева, 2021: 257]. Объяснением этого запрета является толкование, которое было записано в начале XX в. в одном из чувашских селений Среднего Поволжья: «*Кукъаль тумаçç , кукъаль п  серсен, вилн   ыннине япап-лапа ч  ркесе  амакана п  рахса  унтарн  тек пулать, т  с  *» (Пирог не готовят, если готовят пирог, это значит, что мертвца закутывают во что-либо и сжигают в печи) [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 231. Л. 371]. Это говорит о том, что согласно нормам симпатической магии, имевшей место в обычаях и верованиях чувашей, пироги, приготовляемые для поминального стола, ассоциировались с телом покойника.

По этой же причине мучные продукты, которые выставлялись на поминальный стол, такие как хлеб, лепешки и другое, никогда нерезали ножом. Как правило, их ломали на отдельные кусочки руками и только после этого ставили на стол. В настоящее время, руководствуясь этим же поверью, на поминальный стол не ставят разного рода салаты, в состав которых входят мелко накрошенные ножом овощи или другие продукты.

Спектр подобного рода запретов был достаточно широк. До больших поминок, а позднее — до наступления 40 дней со дня смерти, родным и близким покойного запрещалось топить в домах печь, подавать жар в бане, печь блины и пироги, шить одежду, стирать белье, толочь в ступе кудель, ставить жерди в огороде, копать землю, стричь овец, мазать печку глиной. Считалось, что все эти действия могут причинить покойному физическую боль и страдания. Если кто-нибудь из этого круга людей нарушил табу и, например, топил печку, стряпал пироги или блины, подавал жар в бане, это было равносильно тому, что обжигалось лицо и тело покойника. По этой же причине нестирали белье, так как грязная вода может попасть в глаза и рот покойника, не мазали и не белили печь — глиной и побелкой забываются глаза, рот и уши, не пряли нитки и не стригли овец — есть опасность причинить боль волосам покойного, не пользовались иголкой и не шили одежду — можно уколоть тело, не обрабатывали волокна в ступе — можно раздробить суставы и кости и т.д. [Петров, 2021: 162].

К этой же категории относится запрет родным и близким умершего есть мясо курицы, приготовленной для поминального обеда. Существовало поверье, что поедание курицы в этот день равносильно поеданию тела покойника: «Потом все, кроме семейных, из которой семьи был умерший, садятся за стол есть курицу и пить пиво. Хозяи-

ва же этой курицы не ели, потому что у чуваш было поверье, что если кто из домашних будет есть мясо этой курицы, заколотой на имя умершего, то он будет есть тело умершего» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 167].

С переходом чувашей в христианскую религию, который начался в 30–40-е гг. XVIII в., в их религиозную практику вошла традиция придерживаться постной или скромной пищи, в том числе во время поминальных трапез. В соответствии с этой традицией в определенные дни православного календаря мирянам запрещалось употреблять продукты и еду, полученные от теплокровных животных и птиц — мясо, субпродукты, животный жир, молоко, масло, кисломолочные продукты, яйца, а также блюда, содержащие эти ингредиенты. Скромная пища обычно не употреблялась во время религиозных постов. Поэтому, если поминальные трапезы совпадали с постными днями, набор продуктов и блюд существенно менялся. В обычный пост из состава поминальных блюд исключались мясные и молочные продукты, а в строгий пост — также рыба и растительное масло. Однако эта традиция среди чувашей утвердилась не сразу. Поначалу ее придерживалась только небольшая часть верующих. Доля постящихся составляет небольшую часть населения и в настоящее время, в том числе среди официально православных чувашей. Тем не менее во время поминальных трапез интересы постящихся учитываются и соблюдаются. Для них во время трапез готовятся отдельный стол с постной пищей или им за общим столом подаются специально приготовленные постные блюда. С учетом поста вместо мясомолочной пищи им предлагаются кушанья из рыбы, грибов, круп и овощей.

Запреты и ограничения, соблюдаемые при приготовлении поминальных блюд

В процессе приготовления пищи для поминального стола также существовали определённые правила и ограничения. Их было не так много, но они соблюдались неукоснительно. В частности, для приготовления мучных продуктов, таких как блины, лепёшки и другие кушанья, использовали только пресное тесто *тутмай чуста* [Прокопьев, 1903:16; Ашмарин, 1941: 302–303]. Кислое тесто для этих целей запрещалось. Это объяснялось тем, что тесто, приготовленное на закваске, имело семантику возрастания, увеличения, прибавления [Сергеева, 2021: 255], что противоречило смыслу и содержанию похоронно-поминального обряда.

Кроме этого, для приготовления этих кушаний нельзя было использовать муку, полученную из нового урожая. Следовательно, для этих целей применяли только «старую» муку, оставшуюся от прежних запасов урожая [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 218. Л. 13].

С учетом ряда запретов пекли блины — один из главных блюд поминальной трапезы. Согласно чувашским обычаям, в день похорон и поминок в доме покойника обязательно должно было пахнуть жареными на сковороде блинами. Считалось, что таким образом можно насытить покойников, так как они будут вдыхать их аромат. В процессе приготовления первый испеченный блин откладывали в сторону, так как он предназначался для покойника. Потом его выбрасывали на улицу или отдавали собакам, поскольку верили, что умершие приходят к живым в облике собак. Поэтому в дни, когда поминали умерших, собак не обижали и всячески баловали едой, в том числе с поминального стола [Прокопьев, 1903: 24, 34]. Остальные блины складывали друг на друга в виде горки, а затем расставляли на разных местах стола, за которым проводили тра-

пезу. Блины при этом старались не пережаривать, чтобы у покойного на «том свете» не изменился цвет лица, и он не стал красным [Сергеева, 2015: 126].

Ещё одной особенностью указанных поминальных блюд было то, что при их приготовлении не использовалась соль. Есть основания предполагать, что без соли готовили не только специальные поминальные кушанья *хаймалу*, *չ՛խյ*, *կ՛ութերմե*, но и блины *икерчे*. По Л. С. Лаврентьевой, которая изучила и обобщила роль и значение соли в обрядах и верованиях восточных славян, это было продиктовано тем, что еда без соли олицетворяла еду иного, т. е. потустороннего мира [Лаврентьева, 1992: 53]. Следует отметить, что кушанья без соли в дни похорон и поминок бытовали не только у восточных славян [Лаврентьева, 1992: 52–53; Пьянкова, Седакова, 2021: 114], но и народов Поволжья, в частности, у бесермян и удмуртов [Попова, 2023: 581–582]. Аналогичные представления, возможно, были распространены и среди чувашей.

Некоторые запреты соблюдались при приготовлении горячих блюд, например, супа на курином бульоне с лапшой. Лапшу готовили особым способом: сначала замешивали тесто, затем его раскатывали, а после этого руками разрывали на мелкие кусочки размером в ноготь. Разрезать раскатанное тесто ножом было запрещено, иначе тело покойника будет испытывать боль и страдания. Поэтому такая лапша так и называлась — *татнай салма* (досл. «оторванная лапша») или *алата татнай салма* (лапша, оторванная руками), а суп, приготовленный из нее, — *татнай салма яшки* (суп с оторванной лапшой) [Афанасьева, 2002: 44].

Использование ножа было также под запретом при разделке сваренного мяса. К примеру, перед тем как подать на стол мясо курицы, его разделяли исключительно руками. При приготовлении поминального стола этого правила придерживаются и в настоящее время. По этой же причине на поминальный стол не кладут острые предметы, прежде всего ножи и вилки [ЧНТ, 2009: 29]. По верованиям чувашей, они являются колющими предметами, а потому для покойника представляют опасность.

Ряд обязательных запретов соблюдали при забое скота и птицы, а также в процессе приготовления мясных блюд. В день похорон и поминок покойнику в обязательном порядке следовало пожертвовать домашнюю птицу или домашний скот. На этот счёт среди чувашей, особенно сельского населения, до сих пор существует правило, согласно которому покойнику обязательно нужно принести кровавую жертву — *юн կալар-малла* (досл. «выпустить кровь»). В честь умершего обычно закалывали курицу (редко петуха), а также овцу (если покойником была женщина) или барана (если покойник мужчина). В старину на поминках мужчины резали бычка, жеребенка или лошадь, женщины — корову или теленка. Обычно умирающий перед смертью сам указывал на скот, который следовало зарезать и сварить из него еду [Салмин, 2007: 337].

Считалось, что на том свете покойник будет ухаживать за ними и использовать их в качестве рабочих и ездовых животных [Прокопьев, 1903: 26–27]. Тем не менее, животных в основном закалывали на больших поминках, а на индивидуальных поминках, например, на 3-й, 7-й, 9-й, 20-й дни обходились жертвованием курицы. Более предпочтительной считалась овца, так как она символизировала «продолжение рода» [Ягафова, Петров, 2023: 171]. Если по каким-либо причинам приходилось резать барана, то на землю клали несколько монет и, обращаясь к усопшему, говорили:

«Вот, для тебя режем барана, прими. А на эти деньги купи там себе овцу» [ПМА-2]. По народным воззрениям, принесение в жертву овцы, возможно, гарантировало покойнику прибавление поголовья скота, в чем он был заинтересован так же, как и его живые родственники.

После того, как резали курицу, перья и пух птицы выбрасывали на улицу [Прокопьев, 1903: 23], потому что они считались законной долей покойника и их хранить дома запрещалось. В прошлом их выкидывали в какой-либо овраг за пределами селения или на улицу. В настоящее время пух и перья птицы собирают в мешочек, после чего кладут в гроб или закапывают на дне могильной ямы [Ягафова, Петров, 2023: 170–171].

Как правило, забивали только домашнюю живность, брать или покупать ее на стороне запрещалось. Перед закланием голову животного направляли в сторону кладбища, иначе жертва не дойдет до покойника. В это время женщины крошили на землю три лепешки *хаймалу* или хлеб, а на голову животного из ковша выливали воду, чтобы оно отряхнулось и стало пригодным для жертвоприношения. После этого они в полголоса пели или произносили речитативом прichtание по покойнику *сас кэларни* [Прокопьев, 1903: 27–28]. Собирать кровь для последующего употребления запрещалось, так как она предназначалась покойнику. Поэтому делали так, чтобы кровь стекала на землю в специально приготовленное углубление.

Кроме этого, животных всегда резали на сакрально «чистом» месте. По К. П. Прокопьеву, у чувашей-язычников таким считалось место, на котором мастерили гроб [Прокопьев, 1903: 27]. В других локальных традициях пригодным для жертвоприношений местом являлся небольшой участок, находящийся на восточной стороне подврья. Здесь членам семьи запрещалось спрашивать нужду, выливать нечистоты, скверноСловить, ударять по земле палкой и т.д. [Ягафова, Петров, 2023: 283].

Для приготовления поминальной пищи использовали только левые половинки туш животных, так как правые половинки были под запретом. К примеру, в начале XX в. так поступали чуваши Свияжского уезда Казанской губ. [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 109–110]. Некрещеные чуваши на больших поминках варили левые половинки туши, а правые откладывали для проведения обряда после установления надмогильного памятника *юпа*, совершаемого через несколько дней [Салмин, 2007: 339]. Эта традиция жива и сегодня. Так, чуваши Южного Приуралья из левой половинки туши животного готовят исключительно поминальную еду, а мясо с правой половинки употребляют в обычные дни [ПМА-1]. Такой избирательный подход, вероятно, был обусловлен тем, что у чувашей, как и у других народов, левая сторона ассоциировалась с потусторонним миром, т. е. миром мертвых и миром предков. Сказанное подтверждается и другими фактами похоронно-поминальной практики чувашей. Например, все узлы на одежде и обуви умершего завязывали исключительно в левую сторону, при одевании покойника перво-наперво надевали левый рукав одежды и только потом правый, левую полу верхней одежды всегда клади поверх правой, онучи на ногах заворачивали не слева направо, а наоборот [Петров, 2018: 208–209].

В некоторых селениях при приготовлении поминальных блюд не использовали внутренности животного — сердце, легкие, трахею с горлом, печень и кишки. Это объяснялось поверью, что их употребление может вызвать у родственников сильные боли

внутренних органов [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 109–110] или же принести большое горе [Салмин, 2007: 338].

Поминальная трапеза и связанные с ней запреты

В завершение несколько слов о некоторых запретах и ограничениях, имевших место на поминальных трапезах. Из всех коллективных трапез своими особенностями отличалась трапеза, которая устраивалась на больших поминках. У некрещеных чувашей эта трапеза называлась *юпа*, у крещеных — сороковины или поминки сорокового дня — *пумилкке, хсрэхмёшё*. В соответствии с традиционными представлениями, в этот день душа покойного навсегда покидала родной дом. Поэтому, чтобы с ним «попрощаться» и достойно проводить в «мир предков», приглашали как можно больше людей. Наряду с родственниками и близкими на поминки приглашали всех участников похорон, но, прежде всего, тех, кто изготавливал гроб, кто копал могилу, кто обмывал тело покойника, кто после выноса гроба мыл внутренние помещения жилища, кто стирал белье, кто пек блины, кто варила еду и готовила поминальный стол и т.д.

Поминальный стол старались сделать богатым и разнообразным. Экономить на еде и питье запрещалось. Это делали для того, чтобы покойник на своих прощальных поминках получил обильное угощение и всем остался доволен. Кроме этого, бытовало поверье, что за недостаточное угощение и почтение умерший может наказать родственников, наслав на них различные болезни, бедствия и несчастья.

Считалось, что во время поминальных застоловий вместе со всеми остальными питается и покойник. В прошлом для него либо на скамейке, либо на столе около входной двери, либо на краю общего поминального стола ставили большую деревянную чашу, в которую поминающие поочередно по кусочку отрывали разные виды пищи. Рядом с ней на столе или под ним ставили деревянное ведро или другой сосуд, куда отливали домашнее пиво, вино или водку. По краям чаши и ведра прикрепляли и зажигали свечи, которые с собой приносили участники поминок [Прокопьев, 1903: 23, 25, 29]. Начиная с XX в., вместе с большой чашей или миской, куда крошилась еда и отливалось питье, на стол стали ставить столовые приборы с едой — тарелку с супом, стакан с пивом (чаем, компотом), рюмку с водкой, столовую и чайную ложки. Также для покойника ставили отдельный стул, а сверху на него клади подушку. Суп всегда наливали в тарелку, которой покойник пользовался при жизни. Впоследствии указанные тарелку и ложку с другими столовыми приборами не смешивали, так как их использовать наравне с другой посудой было нельзя. В поминальный обед в день похорон, а также в последующие поминальные дни для покойника ставили только эту посуду, а после больших поминок их разбивали и выбрасывали.

Стул и место за столом, предназначенные для покойника, должны были оставаться незанятыми в течение всей трапезы. Кому-либо садиться на это место и тем более принимать пищу запрещалось. С одной стороны, этим родственники демонстрировали почтительное отношение к покойнику, с другой — подчеркивали дистанцированность умершего от них и принадлежность к миру предков.

Коллективную поминальную трапезу начинали только после совершения обряда ритуального «кормления» *хывни* [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 243. Л. 74]. Обряд «кормления» был прост и универсален во всех ареалах проживания чувашей — все участни-

ки поминок по очереди подходили к чаше, стоящей на столе, и со словами «Умайнта пултэр» (Пусть будет пред тобою) крошили в нее что-нибудь из еды. Напитки (пиво, вино, водку), как было отмечено выше, отливали в другой сосуд. Вначале со своими кушаньями этот обряд совершали домохозяева и члены семьи, за ними — приглашенные гости [Прокопьев, 1903: 29; Салмин, 2007: 341]. С начала XX в. напитки стали отливать непосредственно в чашу с едой, отдельное ведро или сосуд для этих целей применялось все реже и реже. Затем 3 или 5 человек из числа родственников (обязательно нечетное число) выходили во двор и все содержимое сосудов со словами «Умайнта пултэр» выливали около столбовых ворот и возвращались в дом. Только после этого начиналось общее застолье. В некоторых локальных традициях обряд «кормления» совершили во время коллективной трапезы. Все виды продуктов с поминального стола понемногу складывали в чашу или миску, затем периодически, но обязательно нечетное количество раз (от 3 до 5) выносили во двор. В других местностях этот обряд совершили перед завершением трапезы. При этом использованную посуду внутрь жилища не заносили и оставляли во дворе или в сенях до следующего дня.

В день похорон во время поминального обеда, а в некоторых селениях и на больших поминках соблюдали гендерный принцип. Сначала за стол садились мужчины и только после них женщины, которым первыми садиться за стол запрещалось [Сергеева, 2021: 257]. Информанты объясняют это тем, что за стол первыми должны сесть те, кто копал могилу, изготавливал гроб, нес его до территории кладбища, т. е. мужчины. Однако вполне возможно, что это является проявлением прежних мусульманских традиций, в соответствии с которыми женщины и мужчины в общественных местах должны были питаться не только отдельно друг от друга, но и в разных помещениях.

После поминальной трапезы хозяевам провожать гостей запрещалось, в противном случае в доме появится еще один покойник. На этот феномен обратил внимание Н. Каменский и отметил в сочинении о языческих обрядах и религиозных верованиях чувашей. По этому поводу он, в частности, написал следующее: «Когда гости выходят из того дома, где был их покойник, то их никто из хозяев не провожает, иначе, будто бы, у них кто-нибудь умрет очень скоро» [Каменский, 1879: 32].

Обращает на себя внимание также запрет после больших поминок оставлять в доме излишки еды и питья. Потому что бытовало поверье, что все приготовленные кушанья после поминок для последующего потребления становятся непригодными [Прокопьев, 1903: 34]. Неслучайно приготовленное для поминок пиво у чувашей называлось *вилнэ сын сэри* (досл. пиво мертвого человека) [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 165–165 об.] или *виле сэри / вилё сэри* (досл. пиво мертвца) [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 531–532]. Руководствуясь этим табу, чуваши от излишков пива после поминок всячески избавлялись, т. е. выливали на улицу [Ашмарин, 1930: 230].

Аналогично поступали с остатками поминального супа [Прокопьев, 1903: 34]. Если оставшийся после трапезы бульон выливали, то мясо и другие продукты раздавали односельчанам. Одни раздавали соседям, другие — беднякам и нищим, трети — проживающим по соседству этнически неродственным народам, например, татарам [Тимрясов, 1876: 274]. Поэтому, чтобы все яства и напитки были съедены и выпиты и ничего

лишнего не оставалось, устроители поминок на трапезу приглашали как можно больше людей — родственников, соседей, односельчан, в том числе и посторонних людей.

Заключение

Таким образом, еда и напитки являются важной и составной частью не только культуры питания, но и религиозных представлений и верований. Наибольшую устойчивость и значимость пища сохраняет в семейно-обрядовой сфере, в том числе в обычаях и обрядах похоронно-поминального цикла. Включаясь в обряд, она приобретает выраженные ритуальные функции и становится важным и необходимым элементом как обряда в целом, так и отдельных промежуточных его этапов. Именно по этой причине еда и пища в обрядах похорон и поминок приобретают выраженный сакрализированный характер. Это находит отражение также в системе пищевых запретов и ограничений. Последние не только регламентировали бытовое и ритуальное поведение человека во время ритуала похорон и поминок, но и накладывали определенные ограничения на ассортимент пищи и напитков, технологию приготовления, особенности трапезы, количество блюд и участников обряда и т.д.

В настоящее время пищевые запреты и ограничения в похоронно-поминальной обрядности чувашей соблюдаются, но не так беспрекословно и последовательно, как в прошлом. Уменьшение и исчезновение запретительных норм обусловлено стиранием границ между сакральным и профанным пространствами, необязательностью их соблюдения для большинства членов социума, современными социокультурными процессами и т.д.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института этнографических исследований УФИЦ РАН № 122041900118–5.

Acknowledgement and funding

The research was carried out within the framework of the State Assignment of the Institute of Ethnological Studies UFRC RAS № 122041900118–5.

Список сокращений

ВЧУ — Вестник Чувашского университета

ИКЕ — Известия Казанской епархии

МАЭ — Музей антропологии и этнографии

НА — Научный архив

ПМА — Полевые материалы автора

СГСПУ — Самарский государственный социально-педагогический университет

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии

ТЖЛАИ — Томский журнал лингвистических и антропологических исследований

УИЯЛ — Удмуртский институт истории, языка и литературы

ФИКИ — Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова

ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЧНТ — Чувашское народное творчество

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Абукаева Л.А. Запреты в системе воззрений мари. Йошкар-Ола : Мариийский гос. ун-т, 2018. 212 с.

Афанасьева Л.А. Ритуальные блюда в похоронно-поминальном обряде чувашей Приуралья // Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии: теория и опыт изучения : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Елабуга : Елабужский государственный педагогический институт, 2002. С. 43–46.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары : Наркомпрос, 1930. Вып. V. 420 с.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XVI. Чебоксары : Чувашгосиздат, 1941. 376 с.

Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Запреты // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2. Д — К (Крошки). М. : Международные отношения, 1999. С. 269–273.

Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань : Типография Императорского ун-та, 1879. 36 с.

Касимова Д.Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX–XX вв.). Ижевск : УИИЯЛ, 2003. 300 с.

Лаврентьева С.Л. Соль в обрядах и верованиях восточных славян // СМАЭ. Т. 45: Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб. : МАЭ, 1992. С. 44–55.

Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собр. в некоторых местностях Казанской губ. Казань : Типография Императорского ун-та, 1881. 266 с.

Месарош Д. Памятники старой чувашской веры: пер. с венг. Чебоксары : ЧГИГН, 2000. 360 с.

Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Ед. хр. 21.

Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 152.

Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 176.

Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 208.

Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 218.

Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 231.

Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 243.

Петров И.Г. Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей (XIX — начало XX века). Уфа : Башк. энцикл., 2018. 296 с.

Петров И.Г. Поведенческие запреты в похоронных и поминальных обрядах чувашей // ВЧУ. 2021. № 2. С. 158–170.

Петров И.Г., Ягафова Е.А. Ритуал похорон и поминок чувашей в контексте запретов // ТЖЛАИ. 2023. № 2. С. 142–150.

Попова Е. В. Символика соли в верованиях и обрядах бесермян и удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. № 4. С. 575–586.

Прокопьев К.П. Похороны и поминки у чуваш. Казань : Императорский ун-т. 1903. 39 с.

Пьянкова К. В., Седакова И. А. Соль // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). М. : Международные отношения, 2012. С. 113–119.

Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб. : Наука, 2007. 654 с.

Сергеева Е. В. Ритуальные блюда и напитки чувашей в семейной обрядности чувашей // Исследования по этнологии чувашского народа : сб. ст. Чебоксары : ЧГИГН, 2021. Вып. 1. С. 243–261.

Сергеева Е. В. Традиционная кухня и застольный этикет чувашей (конец XIX — начало XXI в.). Историко-этнографическое исследование по материалам этнографической группы низовых чувашей. Чебоксары : ФИКИ, 2015. 172 с.

Тимрясов С. Похороны и поминки у чуваш-язычников дер. Ишалкиной Чистопольского уезда Саврушского прихода // ИКЕ. 1876. № 9. С. 269–274.

Тихомирова М. Н. Правила и запреты в пище и трапезе погребально-поминального обряда татар Западной Сибири // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Кн. 2. С. 93–100.

Чувашская мифология: этнографический справочник / науч. ред. Д. В. Егоров. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.

Ягафова Е. А., Петров И. Г. Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация. Самара : СГСПУ, 2023. 352 с.

Чувашское народное творчество. Приметы и поверья. Сновидения / сост. Е. В. Федотова. Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 2009. 383 с. (на чуваш. яз.).

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА (ПМА)

ПМА-1. Информатор П. М. Наумова, 1937 г.р., с. Уязыбашево Миякинского района Республики Башкортостан. 2004 г.

ПМА-2: Информатор Е. М. Садаева, 1917 г.р., с. Мраково Гафурийского района Республики Башкортостан. 2004 г.

References

Abukaeva L. A. *Zaprety v sisteme vozzrenii mari* [Prohibitions in Mari belief system]. Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2018, 212 p. (In Russian).

Afanas'eva L. A. *Aktual'nye problemy tiurkskoi i finno-ugorskoi filologii: teoriia i opyt izucheniiia. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of Turkic and Finno-Ugric philology: theory and experience of study. Proc. of All-Russian Scientific and Practical Conference]. Elabuga: Elabuzhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute, 2002, pp. 43–46 (in Russian).

Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo iazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary: Narkompros, 1930, iss. V, 420 p. (in Russian).

Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo iazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1941, iss. XVI, 376 p. (in Russian).

Egorov D. V. (ed.) *Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik* [Chuvash mythology: an ethnographic handbook]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2018, 591 p. (in Russian).

Iagafova E.A., Petrov I.G. *Religioznye praktiki chuvashai: traditsii i ikh transformatsiya* [Chuvash religious practices: traditions and their transformation]. Samara: SGSPU, 2023, 352 p. (in Russian).

Kamenskii N. *Sovremennye ostatki iazycheskikh obryadov i religioznykh verovanii u Chuvash* [Modern remnants of pagan rites and religious beliefs among the Chuvash people]. Kazan: Tipografia Imperatorskogo un-ta, 1879, 36 p. (In Russian).

Kasimova D.G. *Semeinaya obryadnost' chepetskikh tatar (seredina XIX — XX vv.)* [Family rituals of the Chepetsk Tatars (mid XIX–XX cc.)]. Izhevsk: UIIYaL, 2003, 300 p. (in Russian).

Lavrent'eva S.L. Sol' v obryadakh i verovaniyakh vostochnykh slavyan [Salt in rituals and beliefs of the East Slavs]. *Sbornik Muzeya Antropologii I Etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. St. Petersburg, 1992, vol. 45, pp. 44–55 (in Russian).

Magnitskii V.K. *Materialy k ob'iasneniyu staroi chuvashskoi very. Sobr. v nekotorykh mestnostiakh Kazanskoi gubernii*. Kazan: Tipografia Imperatorskogo un-ta, 1881, 266 p. (in Russian).

Mesarosh D. *Pamyatniki staroi chuvashskoi very* [Monuments of the old Chuvash faith]. Cheboksary: ChGIGN, 2000, 360 p. (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 21 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 152 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 176 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 208 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 218 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 231 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 243 (in Russian).

Petrov I.G. *Odezhda v semeinykh obychayakh i obryadakh chuvashai (XIX — nachalo XX veka)* [Clothing in Chuvash family customs and rituals (XIX — early XX centuries)]. Ufa: Bashk. entsikl., 2018, 296 p. (in Russian).

Petrov I.G. *Povedencheskie zaprety v pokhoronnykh i pominal'nykh obriadakh chuvashai* [Behavioural prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2021, no. 2, pp. 158–170 (in Russian).

Petrov I. G., Iagafova E. A. *Ritual pokhoron i pominok chuvashiei v kontekste zapretov* [Chuvash funeral and wake ritual in the context of prohibitions]. *Tomskii Zhurnal Antropologicheskikh I Lingvisticheskikh Issledovanii* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2023, no. 2, pp. 142–150 (in Russian).

Popova E. V. *Simvolika soli v verovaniyakh i obryadakh besermyan i udmurtov* [Symbolism of salt in the beliefs and rites of Besermians and Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Finno-Ugric Studies Yearbook]. 2023, vol. 17, no. 4, pp. 575–586 (in Russian).

Prokop'ev K. P. *Pokhorony i pominki u Chuvash* [Funerals and wakes of Chuvashs]. Kazan: Imperatorskii un-t, 1903, 39 p. (in Russian).

P'yankova K. V., Sedakova I. A. Sol' [Salt]. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar' v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnoinguistic dictionary. 5 vols]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012, vol. 5, pp. 113–119 (in Russian).

Salmin A. K. *Sistema religii chuvashiei*. St. Petersburg: Nauka, 2007, 654 p. (in Russian).

Sergeeva E. V. *Ritual'nye blyuda i napitki chuvashiei v semeinoi obriadnosti chuvashiei* [Chuvash ritual dishes and drinks in Chuvash family rituals]. *Issledovaniya po etnologii chuvashskogo naroda* [Studies on ethnology of the Chuvash people]. Cheboksary: ChGIGN, 2021, iss. 1, pp. 243–261 (in Russian).

Sergeeva E. V. *Traditsionnaya kухnya i zastol'nyi etiket chuvashiei (konets XIX — nachalo XXI v.). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam etnograficheskoi gruppy nizovykh chuvashiei* [Traditional cuisine and table etiquette of the Chuvash people (late XIX — early XXI century). Historical and ethnographic research on the materials of the ethnographic group of the lower Chuvash people] Cheboksary: FIKI, 2015, 172 p. (in Russian).

Tikhomirova M. N. *Pravila i zaprety v pishche i trapeze pogrebal'no-pominal'nogo obryada tatar Zapadnoi Sibiri* [Rules and prohibitions in food and meals of the funeral and memorial rites of the Tatars of Western Siberia]. *Sibirskii sbornik: Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Siberian Collection: Burial Rites of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. St. Petersburg: MAE RAN, 2009, book 2, pp. 93–100 (in Russian).

Timriasov S. *Pokhorony i pominki u chuvash-iazychnikov der. Ishalkinoi Chistopol'skogo uezda Savrushskogo prikhoda* [Funerals and commemorations of the Chuvash pagans in Ishalkino of the Chistopol district of the Savrush congregation]. *Izvestiya Kazanskoi Eparkhii* [News of the Kazan diocese]. 1876, no. 9, pp. 269–274 (in Russian).

Vinogradova L. N., Tolstaia S. M. *Zaprety* [Prohibitions]. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar' v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnoinguistic dictionary. 5 vols]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2, pp. 269–273 (in Russian).

Chuvashskoe narodnoe tvorchestvo. Primety i pover'ya. Snovideniya [Chuvash folk art. Omen and beliefs. Dreams]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009, 383 p. (in Chuvash).

Статья поступила в редакцию: 29.10.2024

Принята к публикации: 12.09.2025

Дата публикации: 29.12.2025